

УДК 91(с146):9(с)13-7

**ЭВОЛЮЦИЯ ТАТАРСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОТ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА
К НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ**

А.А. Гафаров

Аннотация

Статья посвящена изучению процессов зарождения идеологии татарского национально-освободительного движения. Автор, рассматривая произведения татарских просветителей второй половины XIX в. (Ш. Марджани, Х. Файзханова, Г. Файзханова, И. Гаспринского, Г. Ахмерова и др.), приходит к выводу о существенной политизации просветительской литературы и наличии в ней идеологических концептов национально-освободительного толка. Татарское просветительство этого периода стало общественно-политической основой адаптации, усвоения и переработки широкого спектра национально-освободительных идеологических концепций.

Ключевые слова: татарская общественно-политическая мысль, просветительская литература, национальное самосознание, национально-освободительная идеология, критика российской имперской политики, идеологические течения.

Просветительская идеология, сыгравшая огромную роль в развитии мусульманских народов России, доминировала в общественно-политическом сознании татар вплоть до конца XIX в. Впервые в систематизированном виде она была выражена в трудах Ш. Марджани, Х. Файзханова, И. Гаспринского и др. Призывы выйти за грань религиозного образования, приобщиться к достижениям европейской науки и культуры, при безусловном сохранении ценностей мусульманского образа жизни, стали общим местом татарской модернистской литературы второй половины XIX в. Однако, даже самые ревностные поборники татарского просвещения в исследуемый период в значительной степени были свободны от просветительских иллюзий, преобладавших в этой среде на более раннем этапе¹. Ограниченность просветительских проектов для «действующих лиц» была вполне очевидна. В эти годы в просветительской литературе исподволь (в опосредствованной форме) начинает пробивать дорогу мысль о невоз-

---

¹ Классический путь в поисках знаний проделал будущий знаменитый теолог и религиозный реформатор М. Биги. После Ростовского реального лицея он обучался в Бухаре, Каире, Мекке, в Индии (в университете г. Диубент), затем вновь в Каире, Бейруте, Сирии (в медресе Шама). В итоге он напишет: «Полный больших надежд я путешествовал по исламскому миру, посетил Бухару, Турцию, Египет, Хиджаз, Индию и Сирию. Я видел все религиозные медресе. Но, к сожалению, в конце концов, вернулся на родину неудовлетворённым и совершенно разочарованным» (см. [1, с. 20]).

возможности изменить положение мусульман, как и других народов России, без коренных политических преобразований.

* * *

Впервые сакраментальные вопросы «кто мы? откуда? и куда мы идем?» поставил выдающийся ученый и просветитель татарского народа Ш. Марджани. В своем фундаментальном труде «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Кладезь сведений о делах Казани и Булгар) [2] он попытался осветить происхождение и проследить историю татарского народа. Повествуя о великом прошлом, он с болью пишет: «большинство народа даже смеет считать, что мы вот так, испокон веков, влачили жалкое существование под пятой Русского государства» [3, с. 3]. Однако описание истории народа до падения Казани во второй части сменяется историей мечетей, медресе и деятельности духовенства [4, с. 66]. Известно, что все сюжеты, касающиеся татарского национально-освободительного движения, факты колониального угнетения нерусских народов, биография имама Шамиля были изъяты цензурой [5, с. 47].

Говоря о том, что татары «вообще не знают прошлого своего народа» [3, с. 3], Ш. Марджани и Х. Файзханов (История Казани) [6]¹ подчеркивали, что историческое знание является основой национального самосознания. Внешне выступая под лозунгами просвещения, они вполне осознанно закладывали основы национальной идеологии. Задача донести до масс историю «великого прошлого» стала программой последующего поколения татарских ученых. По утверждению Х. Атласи, «история – единственная из наук, способная пробудить в человеке чувство национального достоинства» [7, с. 11].

В исторической литературе этого периода четко прослеживается идеологическая канва – воссоздать утраченную, но великую историю. В своём стремлении отразить «великое прошлое» татарские историки и публицисты обратились не только к временам Волжской Булгарии и Казанского ханства (как это сделали «предтечи», Ш. Марджани и Х. Файзханов), но и выступили с претензией на Монгольское и Ордынское наследство, история которых представлялась неразрывной частью общей тюрко-татарской истории. Империя Чингисхана, Золотая Орда становятся символом национальной гордости бывшего могущества, «когда татары держали в трепете весь мир», времени, которое было счастливым [7, с. 25]. В результате татаро-монгольского завоевания «Болгарское ханство не только не потеряло своего бывшего экономического значения, но даже могло возратить то, что было им потеряно после ослабления своего покровителя Аббасидского халифата» [7, с. 72].

В классической форме концепция «великого прошлого» была отражена впоследствии (в первой четверти XX в.) в трудах Г.С. Губайдуллина. Империя гуннов – Тюркский, Аварский, Хазарский каганаты – Булгарские государства – империя Чингисхана – Золотая Орда – Татарские ханства (Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское, Касимовское, Ногайская Орда) – этапы великой

¹ Х. Файзханов писал: «...события прошлого, история правления ханов – все это для нашего народа до сих пор покрыто мраком неизвестности» (см. [6, с. 58]).

тюрко-татарской истории¹. Подспудно, таким образом, прослеживается очевидная мысль, что народ, имеющий великое прошлое, не может и не должен прозябать в настоящем².

Исторические экскурсы оказались едва ли не единственной возможностью безнаказанно выступить с осуждением российской имперской политики, публично проявить чувства завоеванного и угнетенного народа. Антимосковские (антиимперские) эмоциональные интонации звучат, прежде всего, в сюжетах, связанных с гибелью Казанского ханства «от русских агрессоров», которое, по мнению Г. Ахмерова, 150 лет сдерживало «агрессивные устремления Москвы на Восток» [10, с. 72]. «Падение Казанского ханства, бывшего сердцем всего татарского мира, – писал Х. Атласи, – предвещало близкий конец и другим татарским ханствам... начало конца всего татарского мира, который в недалёком будущем окажется развеянным в прах» [7, с. 27].

Причину краха татарских государств Х. Файзханов видел, прежде всего, в разобщенности феодальной элиты, в отсутствие чёткого закона престолонаследия. «По прошествии семиста лет по хиджре (XIV в. н. э. – А.Г.) ...кыпчакская империя Золотая Орда стала постепенно ослабевать, порядок и закон стали терять прежнюю силу по причине отсутствия между наследниками престола единства и сплоченности... Дабы это новое ханство в Казани не вобрало в себя бывшего могущества татар, они (русские. – А.Г.) взяли его под пристальное внимание и в этом отношении предпринимали различные меры... Уже исходя из того, что в самой традиции престолонаследия у татар заключались неразрешимые сложности, а татарских наследных принцев с легкостью можно было перетянуть к себе, русские цари противопоставляли могуществу Казанского ханства силу самих татар, созданную ими искусственно... Держа в Касимовском ханстве ханов, им удавалось сеять раздор и смуту в Казани» [11, с. 73, 74, 77]. Как отмечает Г.С. Губайдуллин, «Вместо отважных государственных деятелей, таких как Бату и Сартак, в чьих руках не дрожала сабля, а идеалом норм поведения была принятая курултаем как закон чингизова Яса, ханский трон стали занимать совсем другие люди» [9, с. 76].

Атласи, также обращая внимание на измену отдельных феодалов, выводит вопрос на уровень проблемы национального единства. «В их (татар. – А.Г.) отношениях почему-то не было ни дружбы, ни любви, ни братства, ни чувства единства, они словно превратились в диких зверей и лишь хмелели при виде крови сородичей. Даже волки не едят волчьего мяса, зато эти с жадностью рвали на куски своих братьев по вере и крови, прямо-таки дрожали от радости, когда за малую выгоду могли продать их. Как исчезает снег в лучах жаркого солнца, так и они, сгорая от нетерпения, торопили свой конец...» [7, с. 27]. (Эмоциональная тирада Атласи обращена в современное ему настоящее: предатели и «в наши дни охотно строчат доносы, лгут, наговаривают на сторонников джадидизма – Камиля мирзу и Исмагила мирзу, выдавая их передовые методы обучения детей в школе за попытку возродить татарское ханство» [7, с. 64–65].)

¹ См. [8; 9] и др.

² Вероятно, отнюдь не случайно общепризнанный идеолог татарского национального движения Г. Исхаки в своем программном труде «Идель-Урал», прежде всего, ссылается на работы Губайдуллина.

Марджани, вместе с тем, с горечью пишет о близорукой политике Турции. По его словам султан совершил «большую ошибку (не отпустив Давлет-Гирея на казанский престол. – А.Г.), которая в очень короткое время дала горькие плоды» [2, с. 151]. «Положение Казани осложнилось... Русские вырвали Казань из его (Ядыгар-Мухаммада, казанского хана (1552). – А.Г.) рук и завладели ею. Это было концом Казани» [12, с. 73–74]. «Турции (по мнению Марджани) следовало присоединить к себе Казанское и Астраханское ханства, что способствовало бы увеличению её территорий... Они могли составить одну общность с турками, так как были близки к ним по этносу, мазхабу и религии. В этом случае Крым автоматически стал бы территорией Османской империи. Однако турецкая администрация придерживалась другого мнения, она хотела завоевать славу не присоединением старых, а завоеванием новых территорий. Они не учли, что с присоединением татарских земель к ним отошла бы даже Венгрия. Турецкая администрация, в общем, и султан Сулейман, в частности, допустили политическую ошибку, которой не преминула воспользоваться Россия» [2, с. 160–161].

Национальные акценты в трудах Ахмерова вызывали естественные нарекания со стороны приверженцев официальной идеологии, поскольку «его материалы опровергали многое из того, что было в трудах этих профессоров» [13, с. 9]. Дискутируя, татарские историки, прежде всего, обращали внимание на односторонний характер общеиспользуемых источников. Файзханов весьма осторожно отмечал, что официальные летописцы («кафиры»), «когда писали свою историю, то не жалели черных красок, рассказывая о Казани», боясь «как бы Казань не развилась до уровня Сарая»¹. «А во многих случаях, питая враждебные чувства к татарам и утаивая истину, они специально преподносили их в форме противопоставления одних другим. По этой причине невозможно безоговорочно доверять русской истории» [6, с. 58–59]². Марджани также отмечает, что «Россия с давних времён враждовала с татарами, кроме этого, её народ был фанатичен и невежествен, поэтому книги по истории не проверялись на достоверность, кроме этого, они писались не для того, чтобы развивать историю. Русские книги по истории не объективны, в их основе лежит внутренняя неприязнь к татарам, фанатизм, однобокий подход к истории, они писали историю, скрывая её истинную суть» [2, с. 141]. Ахмеров, писавший в более позднюю эпоху, использовал ещё более жёсткие выражения. «Русские исторические сведения чаще всего исходят из оставленных монахами летописей. А эти сведения, особенно в эпоху Казанского ханства, так и дышат ненавистью к татарам, то есть изначально настроены только на негативное восприятие всего татарского... Летописи... брызжат таким фанатизмом и предвзятостью...» и т. д. [10, с. 65, 66].

¹ Марджани использует практически аналогичные выражения: «Русь только свободно вздохнула после распада Золотой Орды, как вновь в Казани начинает строиться татарское государство, поэтому естественно, что русские испугались и предприняли все, чтобы это государство не стало таким же сильным, как его предшественник». «Сосед Казанского ханства Россия жила в постоянном страхе, что оно может стать таким же сильным, как Золотая Орда» (см. [2, с. 164, 141]).

² Вместе с тем, не без юмора он замечает: «...если в этих записях татары восхваляются, возвышаются на фоне русских, то почему бы и не принять эти сведения?» (см. [6, с. 60]).

Памятуя печальный опыт предшественников¹, И. Гаспринский (получивший благословение Марджани на издание газеты «Тарджеман») [15, с. 52]) был предельно осторожен в своих высказываниях. Его работа «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения» (1881) на долгие годы стала своеобразным манифестом раннего джадидизма и татарского либерализма. Впервые татарский публицист обратился «к широкой публике на ее родном языке и по-русски ко всей грамотной России, благодаря чему он приобрел многократно большую аудиторию» [16, с. 9] (чем Марджани, который писал преимущественно на арабском языке). Сверхосторожная манера не помешала ему выразить свое отношение к российской колониальной политике. «Русское господство над татарами до сих пор, насколько мне известно, выразилось только в следующем: я владею, вы платите и живете как хотите... каков же результат? Общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество, мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края и, по окраинам, гибельная эмиграция!» [17, с. 19–20] Резюме однозначно: «...русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации» [17, с. 22].

Выражая «наивную» веру в отеческую заботу российского самодержавия о нуждах подданных-мусульман, Гаспринский риторически вопрошает: «Нам не известно, какой руководящий принцип лежит в основе отношения русской власти, русской политики к русским мусульманам» [17, с. 27]. Тут же сам отвечает: «Система ассимиляционной политики, с какой бы выдержкой и тактом она не проводилась, носит в себе характер принуждения, ограничения прав данной народности и, по этому, одному уже имеет за собой очень мало симпатий... Мы не находим необходимых оправданий для политики поглощения одной народности другою, политики русификационной в нашем отечестве, если слово «русификация» понимать именно в смысле поглощения русскими других народностей империи» [17, с. 31].

Неприятие российской общественно-политической действительности нашло отражение в идеализированной картине устройства Казанского ханства и Золотой Орды. Если политический строй Золотой Орды татарские ученые в основном рассматривали сквозь призму романтизированных образов харизматических лидеров («людей длинной воли», «в руках которых не дрожала сабля»), то Казанское ханство представлялось представительной монархией с широкими правами подданных². «Государственные мужи в окружении хана были наделены особыми правами, позволявшими активно участвовать в управлении всеми структурами власти. Сам хан не мог править единолично, без участия самых влиятельных и родовитых беков... Языческие племена пользовались полной свободой в выборе образа жизни и верований» [10, с. 82–83, 84]. Г. Ахмеров пишет: «...когда на смену Булгарии пришла Казань, арские, чувашские, черемисские, башкирские племена добровольно признали её власть и вошли в состав нового государства. Эти племена никогда не замыслили антиказанских бунтов, напротив, шли вместе с казанцами против общего врага, вместе защи-

¹ Более 20 проваленных проектов создания органов татарской периодической печати (см. [14, с. 188–203]).

² «Подданными Казани были чувашские, черемисские, арские, мордовские и башкирские племена, ранее входившие в состав Булгарии» (см. [10, с. 73]).

щали Казань, а после её падения делали всё, чтобы не попасть под русское иго¹, поднимали восстания, а потерпев поражения, зачастую предпочитали свободолюбивые башкирские степи рабству на истоптанной захватчиками родине. Все эти движения языческих племён свидетельствуют об их этнической и духовной общности с казанскими, а ещё ранее – с болгарскими тюрками, что, в свою очередь, даёт основание предполагать наличие равных прав и достаточных свобод у народов как Булгарской, так и Казанской держав» [10, с. 82].

Тема гармоничных отношений народов Казанского ханства преломляется констатацией лидерства казанских татар среди мусульман России, в принципе, и среди народов Поволжья и Приуралья, в частности. «Подобно булгарам, казанские мусульмане стояли в своём развитии на голову выше других тюркских и финских племён страны... Вообще эти племена испытывали и испытывают такое сильное культурное влияние казанцев, что у них многие обычаи и традиции одинаковы или сходны с казанцами» [9, с. 74]. Г. Файзханов (брат Х. Файзханова) также отмечает экономическую слабость «соседних народов, как чуваш и марийцы», и ориентирует татарский капитал на активную экспансию, прежде всего, в соседние регионы [18, с. 32]. Поскольку «наши башкирские братья не ценят свои райские земли и продают десятину земли за фунт чая или пять фунтов сахара, [и] таким образом, уже тысячи десятин земли перешли в руки чужих народов», пусть «наши богатые люди... стараются по мере сил покупать земли у башкир» [18, с. 30–31]. «Для людей с небольшим капиталом было бы полезно поехать в башкирские деревни Уфимской и Оренбургской губерний и открыть там магазин...» [18, с. 37]. Социально-экономические перспективы развития мусульманского общества у татарских просветителей-модернистов не вызывали сомнений. Г. Файзханов, во многом заложивший «основы экономической теории у татар» [19, с. 6], говоря об эффективности рыночной экономики, вместе с тем отмечал, что «потенциал рыночного хозяйства будет реализован только при определённых институциональных условиях» [20, с. 59].

Особую роль в татарских государствах, как отмечают практически все татарские авторы, играло высшее мусульманское духовенство. И хотя Марджани не призывает к восстановлению халифата, его симпатии очевидны. С нескрываемым сожалением он констатирует, что к концу XIX в. «понятие «халиф» вообще исчезло из мусульманской действительности. А люди даже не представляют значения этого красивого и великого слова. Они и не знают, что «халиф» – это «единственный правитель», которому все подчиняются, и который обладает неограниченной властью» [2, с. 16].

В отличие от историков, Гаспринский противопоставляет России государственную систему, имеющую «за собой правду и справедливость», приводя в пример страны с демократическим политическим устройством. «На основе всеобщего равенства племенной самобытности мирно и счастливо живут в государстве Соединенных Штатов немцы, французы и англичане, в Швейцарии – немцы, французы и итальянцы» [17, с. 33]. В итоге он выразил надежду на «возможность единения, сближения нравственного, на почве равенства, свободы и образования» [17, с. 46].

¹ Подобный термин использует впоследствии Г.С. Губайдуллин: «московское иго» (см. [8, с. 80]).

Сильное впечатление на российскую общественность оказала победа Турции (в союзе с Англией и Францией) в Крымской войне (1853–1856), успехи реформ Танзимата, а также принятие конституции 1876 г. и т. д. Идеи Танзимата, движение «новых османов» и младотурок способствовали расширению реформаторского и просветительского движения российских мусульман, активизации школьной реформы, а также распространению либерально-освободительной идеологии и т. д. Очевидно, что значительная часть российских шакирдов, обучавшихся в ближневосточных школах, сблизилась с кругами, связанными с радикальными политическими течениями¹. Не случайно, в этот период среди тюрко-татарской интеллигенции весьма популярным становится «османский стиль», широко распространяется турецкая литература, в мектабах и медресе особое значение приобретают учебники турецкого происхождения. «Что касается меня самого, – впоследствии напишет Г. Исхаки, – то ещё на школьной скамье я начал своё образование с чтения произведений турецкой литературы: «Мошаварат», «Мизан», «Турклер» [22, с. 52].

Сентенции Марджани о том, что Турции следовало бы захватить Казанское, Астраханское, Крымское ханства также свидетельствуют о его протурецкой ориентации. Идеологемы будущего «османизма» и «тюркизма» осторожно проступают сквозь строки (внешне сугубо) научного текста. Не случайно в Стамбуле во время хаджа Марджани встречался далеко не только с учёными и шейхами, но и был принят министром иностранных дел Асим-пашой, министром юстиции Джаудат-пашой, мекканским шарифом ас-сайид Аун б. Мухаммад б. Ауном и другими, а также для него была организована экскурсия на броненосец «Масудийа» [23, с. 55–56], демонстрирующего военную мощь лидера тюрко-исламского мира. Молодой И. Гаспринский ещё в первой половине 70-х годов XIX в. дважды посетил Стамбул, побывал в Сирии, Египте, Тунисе, ознакомился с произведениями аль-Афгани, а также с трудами турецких конституционалистов – лидеров новых османов Н. Кемаля и А. Мидхат-паши. Идеи тюркизма и исламизма, провозглашенные Гаспринским со страниц «Тарджемана», станут весьма популярными среди мусульман как России, так и за рубежом².

Таким образом, даже беглый обзор татарской просветительской литературы (научной, публицистической, учебной) второй половины XIX в. обнаруживает идеологический подтекст нарождающегося национально-освободительного движения. Произведения татарских просветителей (Ш. Марджани, Х. Файзханова, Г. Файзханова, И. Гаспринского, Х. Атласи, Г. Ахмерова и др.) не только подготавливали сознание читателей к восприятию политических задач, но и в скрытой форме содержали практически весь спектр идеологических концептов (исламизма, османизма, тюркизма, татаризма, идеологии халифатского движения и т. д.) Идеологически джадидизм как стадия позднего просветительства стал переходной формой к политически оформленному национальному движению.

¹ Именно софты (стамбульские студенты) в 70-е годы стали оплотом либерализма в борьбе за конституционные реформы. В 1876 г. шесть тысяч студентов, а также курсанты военной школы сыграли решающую роль в свержении режима Абд ал-Азиза и последующем принятии конституции (см. [21, с. 11]).

² Весьма показательно, что среди подписчиков газеты были многие видные турецкие общественные деятели и представители культуры; в частности философ и социолог Зия Гёкалп, который по праву считается «отцом-основателем» пантюркизма.

Summary

A.A. Gafarov. The Evolution of Tatar Social Political thought in Late 19th Century: from Enlightenment to National-Liberation Ideology.

The article views the processes of Tatar national-liberation movement ideology emergence. The works of late 19th-century Tatar enlighteners are analyzed (Sh. Mardzhani, Kh. Faizkhanov, G. Faizkhanov, I. Gasprinski, G. Akhmerov and others), revealing national-liberation concepts. The development of national Tatar self-consciousness was reflected in the politicization of the Tatar scientific, educational, publicistic literature. Tatar enlightenment of this period became the social political base for adaptation, assimilation and thorough revision of national-liberation ideological conceptions.

Key words: Tatar social political thought, enlightenment literature, national self-consciousness, national-liberation ideology, Russian imperial politics criticism, ideological conceptions.

Литература

1. *Гәрмез М.* Муса Джаруллах Бигиев. – Казань: Иман, 2004. – 193 с.
2. *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I. – Казань: Фэн, 2005. – 255 с.
3. *Марджани Ш.* О делах, происходивших в ханские времена // *Ветры Великих Булгар.* Легенды, предания, биты и исторические материалы. – Казань, 1993.
4. *Шакуров Ф.Н.* Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917 года. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2002. – 127 с.
5. *Юсупов М.Х.* Шигабутдин Марджани как историк. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1981. – 232 с.
6. *Фаизханов Х.* История Казани // *Фаизханов Х. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник.* – Н.-Новгород: Медина, 2008. – С. 56–69.
7. *Атласов Х.М.* История Сибири. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – 96 с.
8. *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // *Материалы по изучению Татарстана.* – Казань, 1925. – Вып. II. – С. 71–113.
9. *Газиз Г.* История татар. – М.: Моск. лицей, 1994 – 190 с.
10. *Ахмеров Г.* История Казани // *Избранные труды.* – Казань: Тат. кн. изд-во, 1998. – 237 с.
11. *Фаизханов Х.* Касимовское ханство // *Фаизханов Х. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник.* – Н. Новгород: Медина, 2008. – С. 70–81.
12. *Шихаб ад-дин Марджани.* Ваият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам). – Казань: Иман, 1999. – 125 с.
13. *Хайрутдинов Р.Г.* Историк Гайнетдин Ахмеров // *Ахмеров Г. Избранные труды.* – Казань: Тат. кн. изд-во, 1998. – С. 5–23.
14. *Каримуллин А.Г.* У истоков татарской книги (от начала возникновения до 60-х годов XIX века). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1971. – 222 с.
15. *Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы у татар (до революции 1917 г.). – Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923. – 107 с.
16. *Усманов М.А.* О триумфе и трагедии идей Гаспринского // *Гаспринский И. Россия и Восток.* – Казань, 1993. – С. 3–15.
17. *Гаспринский И.* Россия и Восток. – Казань: Фонд Жиен, Тат. кн. изд-во, 1993. – 132 с.

18. *Фаизханов Г.Ф.* Мухаррик аль-афкар (Двигатель мыслей. Исследование состояния знания, образования, ремесла и предпринимательства у татар России). – Н. Новгород: Медина, 2006. – 61 с.
19. *Хабутдинов А.Ю.* Введение // *Фаизханов Г.Ф.* Мухаррик аль-афкар. (Двигатель мыслей. Исследование состояния знания, образования, ремесла и предпринимательства у татар России). – Н. Новгород: Медина, 2006. – С. 6–11.
20. Роль Габделгалляма Фаизханова в формировании и развитии экономических идей в татарском обществе // *Фаизханов Г.Ф.* Мухаррик аль-афкар. (Двигатель мыслей. Исследование состояния знания, образования, ремесла и предпринимательства у татар России). – Н. Новгород: Медина, 2006. – С. 42–60.
21. *Рыжов К.В.* Все монархи мира. Мусульманский Восток. XV – XX вв. – М.: Вече, 2004. – 544 с.
22. *Касымов Г.* Пантюкистская контрреволюция и её агентура – султангалиевщина. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1931. – 99 с.
23. *Марджани III.* Рихлат ал-Марджани (Путешествие Марджани) // Очерки Марджани о восточных народах. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2003. – С. 54–75.

Поступила в редакцию
30.09.08

Гафаров Анвар Айратович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета.